

В.В. Скоробогатский

**Рецензия на книгу В.Е. Кемерова
«Социальная философия: смена парадигм»
(М.: Академический проект, 2022. 127 с.)**

Скоробогатский Вячеслав Васильевич – доктор философских наук, профессор. Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66; e-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

Проблема смены парадигмы уже полвека стоит в повестке дня социально-гуманитарного познания. Среди факторов, обусловивших обращение к этой тематике, определяющую роль сыграли два. Первый – выход советской общественной науки из идеологической изоляции – дал толчок для сопоставлений и сравнений достигнутых результатов. Второй – перемещение проблемы человека в центр теоретико-методологического анализа – породил необходимость коренной перестройки не только структуры обществензнания, но и его базовых методологических принципов. Возникнув в русле теоретико-методологических установок науки типа «сайенс», социально-гуманитарная наука классического периода опиралась на стратегию редукционизма, предполагающую приоритет общего (понятия) перед особенным (реальные явления, события и люди), тождества перед различием и разнообразием. Действие этой установки сохраняется и поныне, обуславливая не только нарастающий разрыв между наукой и реальностью, но и снижение теоретико-методологического потенциала социально-гуманитарного познания. Проблема смены парадигмы социально-гуманитарного познания рассматривается в книге В.Е. Кемерова «Социальная философия: смена парадигм», в которой он обосновывает необходимость разработки стратегии антиредукционизма и очерчивает круг задач, стоящих перед современной социальной философией в этой области.

Ключевые слова: парадигма социально-гуманитарного познания, классический, неклассический и постклассический этапы развития науки, стратегия редукционизма, глобализация, повторная идеологизация науки и массового сознания, диалог культур, человеческая субъектность, методология антиредукционизма

Рецензируемая книга – продолжение многолетней работы В.Е. Кемерова в области методологии социально-гуманитарного познания. Первые шаги в этом направлении были сделаны им еще в 1970-е гг. В 1977 г. вышла в свет его книга «Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл», в которой он изложил основные идеи своей докторской диссертации. В ней В.Е. Кемеров отметил кардинальный, взрывной по своему характеру факт: перемещение проблемы личности с периферии в центр философской и социологической дискуссии вызывает фундаментальные сдвиги как в строении обществознания, так и в схемах его социального функционирования.

С точки зрения стандартов науки того времени, подобная постановка вопроса выглядела как попытка увести обществознание в область отвлеченного теоретизирования. Попытка идеологически подозрительная для партийных кураторов науки и неприемлемая для основной массы дипломированных обществоведов, поскольку задача серьезного обновления предметно-теоретических и методологических оснований исследования общества была им явно не по силам. Сегодня, много лет спустя, становится очевидным, что одной из причин, повлиявших на неудачные результаты реформ в области экономики, политики, государственного управления, предпринятых во второй половине 1980-х и в первой половине 1990-х гг., помимо социальных и политических факторов, стал фактор науки. А именно – несоответствие отечественного обществознания, его теоретического и методологического потенциала задачам социальной трансформации, с которыми наше общество, что называется, «лоб в лоб» столкнулось в первой половине 1980-х гг.

Уже в заглавии новой работы В.Е. Кемерова заявлена ее основная тема – смена парадигмы социально-гуманитарного познания, отложенная на долгие десятилетия. Первые сигналы о необходимости глубоких перемен в структуре социального познания и во взаимоотношениях между различными дисциплинами, входящими в корпус социально-гуманитарного знания, возникли около полувека тому назад. Осознанию этого обстоятельства во многом способствовало появление русского перевода книги Т. Куна «Структура научной революции». Как отмечает В.Е. Кемеров, основные трудности в решении этой проблемы обуславливались отсутствием единой социологической теории, которая могла бы задать систему отсчета в деле реорганизации социально-гуманитарного знания [Кемеров, 2022, с. 13]. Причем ситуация теоретико-методологического тупика была характерна не только для советского/российского обществознания, но и для мировой науки в целом. Она способствовала возникновению застойных и кризисных явлений в отечественном обществознании, нарастанию разрыва между социальными процессами и теоретическими возможностями их научного понимания, что получило негативную оценку в решениях партийных съездов 1976 и 1981 гг.

Размышляя над причинами сложившейся в обществознании ситуации, автор обращается к эволюции науки нового и новейшего времени, в русле которой происходило становление социально-гуманитарного знания. Он рассматривает три этапа развития науки – классический, неклассический и постклассический. На каждом из них социальное знание получало всякий раз специфический вид – различия затрагивали предметное содержание, структуру дисциплин, методологию.

Классический этап характеризуется доминированием образцов знания и способов познания. Они разрабатывались естествознанием и получали статус общеобязательных с помощью философии. Для обществознания эпохи классики характерно сочетание наивно-метафизической онтологии и антиметафизической (позитивистской) методологии. Создаваемые им теоретические конструкции возвышаются над миром субъективного, повседневности, а индивиды (человеческая «масса») рассматриваются как «тела», образующие квази-эмпирическую опору теоретических моделей – категориальных конструкций, которые строятся в соответствии с «логикой вещей». На этом этапе получает законченный вид стратегия редукционизма, в соответствии с которой формирование общих понятий предполагает отвлечение от всего особенного, индивидуального, приоритет тождества перед различием и многообразием.

Неклассическая наука возникает и существует как реакция на кризис классической методологии, не способной решить проблему несоответствия между теоретическим представлением природы как стационарного, не изменяющегося во времени объекта и научными фактами, свидетельствующими об эволюции природы, о ее сложности и многообразии. Первоначально они воспринимались как аномалии, исключения из правил, требующие совершенствования теоретико-методологического аппарата. Но по мере накопления в сфере социально-гуманитарного познания такого рода фактов стало неизбежным его расщепление на две области. Первая – это социальные науки, которые преимущественно оставались на позициях классической методологии редукционизма, «логики вещей», а вторая – гуманитарные науки, обратившиеся к исследованию индивидуальных аспектов человеческого бытия. Поставив под сомнение классические представления о бытии и познании, о взаимно однозначной связи между теорией и методологией, неклассическая наука легитимировала принцип методологического дуализма, а впоследствии и плюрализма, согласно которому одной дисциплине могут соответствовать две и более методологии.

Необходимость объяснения природы «аномалий», открытых неклассической наукой, привела к преобразованию онтологических и гносеологических оснований науки, в том числе общественной. Представление о пространстве как базовой характеристике реальности и об инвариантности законов по отношению к времени стало препятствием на пути развития науки, которая в области естествознания обратилась к изучению явлений микро- (квантовая механика) и мегамира (теория относительности Эйнштейна), а в области обществознания – к исследованию субъектной стороны процессов, протекающих в обществе, изучению роли людей в обновлении социальных связей. Пространственный образ общества на этапе постклассической науки уступил место временному: в структуре последнего на передний план выходят социальные связи в их динамике; связи, которые люди воспроизводят и обновляют в ходе жизненного процесса. Общество – это сверхсложная динамическая система органического типа, функционирующая на началах *самоорганизации* и *самоуправления*. Но конструирование новой онтологии общества, которое происходит под давлением обновляющейся социальной реальности, – это процесс, в котором ведущую роль играет не то или иное отражение реальности, а внутринаучные факторы. В первую очередь это – методология антиредукционизма, ориентированная на сложные

системы в их динамике и трансформациях. Как подчеркивает В.Е. Кемеров, это не нигилистическая и антирационалистическая реакция на постулаты классической науки, а методологическая стратегия, отвечающая потребностям понимания: 1) *динамики* общества, 2) связи этой динамики с *самобытностью* индивидов и 3) человеческих *различий* как ресурсов *качественного* обновления социальных форм [Кемеров, 2022, с. 35].

Казалось, с появлением антиредукционистской методологии путь для оформления новой парадигмы обществензнания, по крайней мере для его перехода на новый этап развития, открыт. Исторический опыт последних 25–30 лет показал тем не менее, что новая парадигма может сложиться только как общий результат усилий обществензнания, естествознания и философии. Под философией здесь понимается система фундаментальных ценностно-мировоззренческих представлений мирового развития, в процессе которого осуществляется переход от индустриального к исторически новому состоянию – «информационное», «постиндустриальное», «цифровое» суть только приблизительные наименования надвигающегося будущего. Этот переход получил название глобализации и на первых порах воспринимался как завершение либерального (западного) проекта истории, в духе концепции «конца истории» Ф. Фукуямы. Со временем же проявилось такое следствие глобализации, точнее, ее обратная сторона, как углубление различий между культурно-политическими регионами, границы которых заключали в себе высокий потенциал конфликтности. Интенсивное сближение и общение экономик, наций и культур вызвали попыткое движение к фундаментализму, к архаизации ценностно-идеологических основ культурных регионов, к локализации цивилизационных процессов. «Конфликт цивилизаций» С. Хантингтона стал ведущей философско-политической концепцией современности, оттесняя на второй план модель «мир-системы» И. Валлерстайна.

Говорить в данных условиях о возможности формирования новой парадигмы науки преждевременно. В духовной атмосфере нашего времени можно наблюдать тенденцию к возрождению ряда представлений неклассической науки. В первую очередь это идея плюрализма методологий, доходящая до операционально-функционалистской трактовки не только методов познания, но и природы знания, а также образ «другого» как исключения, как отклонения, как «неправильного», как угрозы и вызова существующему порядку. Все это повышает градус влияния политико-идеологических факторов на методологию и теорию обществензнания, а научный поиск подменяется выполнением социального заказа. Наука становится инструментом политики и идеологии, обращенным не только вовне социальной системы, но и внутрь, углубляя процессы фундаментализации духовно-ценностных основ культуры, причем не только на периферии глобальной цивилизации, в регионах так называемых исламской или православной цивилизаций. Она проникает в самый центр «мир-системы» и охватывает не только область конфессиональных начал и ценностей, но и весь спектр форм духовной и социальной жизни в публичной и частной сферах, включая и область межличностных отношений. Тотализация негативного отношения к «другому» как опасному, угрожающему «основам», становится общим поветрием в масс-медиа и научной модой.

Попятное движение, своеобразный регресс в развитии научного общественно-вознания, волна повторной идеологизации науки и массового сознания – все это оживило интерес, и общественный, и научный, к объяснительным моделям, восходящим к теориям культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и локальных цивилизаций О. Шпенглера. Реанимация данных моделей в свою очередь способствует укреплению настроений разобщенности и конфликтности в массовом сознании и в среде научного общественно-вознания. Что можно противопоставить этой реакции культурных и политических систем на сложности процесса глобализации? На наш взгляд, задача, с которой столкнулись современные общества, в первую очередь общества мирового авангарда, имеет нелинейный характер. Речь должна идти не просто о переходе человечества на очередную ступень развития, например, информационную, но о переходе к состоянию, в котором станут возможными принципиально иные схемы (логика) взаимоотношений различных культурных регионов (цивилизаций). И в рамках которого, возможно, осуществится предсказание И. Канта о вечном мире.

Качественное изменение масштаба исторического перехода вызывает постановку вопроса о роли философии в новом культурно-историческом контексте, а новая роль философии обязывает к коренному пересмотру ее основоположений. Начиная с античности, философия получает такие теоретические инструменты мышления о мире, как понятия. И логика формирования понятия предполагает вычленение общего в вещах посредством восхождения от многообразий и различий чувственно-воспринимаемого мира. Это – идеальное общее, отвлеченное и абстрактное, возвышающееся над «неподлинным» миром повседневности, господствующее над ним как высший образец. И термин «господство» здесь не метафора, а прямое указание на то, что истина (знание) может быть схвачена лишь с помощью такого рода понятий. Именно это вертикально ориентированное общее, общее на основе тождества, взятое как цель познания, как ключ к истине составляет основание методологии редукционизма. Альтернатива абстрактно-общему – логика формирования общего на основе онтологического равноправия другого (других), равноправия различий и их носителей. Такого рода общее, открывающее доступ к конкретной реальности, не есть продукт гегелевского (диалектического) синтеза абстракций, его формирование возможно посредством обращения к повседневности, гносеологической реабилитации мира разнообразия и различий как онтологической основы методологии антиредукционизма. Оппозиция редукционизма и антиредукционизма – это оппозиция господства и сотрудничества как двух стратегий социального взаимодействия субъектов разного уровня и вида, от индивидов до цивилизаций.

Культурно-исторический материал, на котором В.Е. Кемеров рассматривает переход к стратегии сотрудничества между культурными регионами, – диалог Востока и Запада. Без его философской проблематизации невозможно очистить современное сознание от представлений прошлого, которые сопровождали историю Запада, России и их непростых взаимоотношений, а в XX в. стали ментальными причинами развязывания двух мировых войн. Автор подчеркивает, что философской проблематизации этого диалога способствует появление «третьих», «четвертых» и т.д. сил в лице других культурных регионов,

которые выходят на сцену мировой истории в роли ее равноправных участников. Их появление принципиально меняет структуру международных взаимодействий, соотношение сил, превращает диалог в многоголосие, обуславливает «сдвиг от общности образцов к общности тенденций» [Кемеров, 2022, с. 57].

Изменение характера диалога Востока и Запада открывает путь к новой парадигме. Но этому предшествует отказ каждого из участников диалога, сменяющегося многоголосием, от роли если не господина мира, то, по крайней мере, его пророка, единственного толкователя его повелений. Отсылка к известной балладе Кипплинга – аргумент от искусства, который показывает, что в западной культуре был и сохраняется потенциал для перехода к культурному и политическому сотрудничеству с «другими», равно как и (добавлю от себя) «Скифы» А. Блока свидетельствуют о сходных установках в русской культуре. Следующий шаг на этом пути – новый подход в понимании истории, сближающий социально-гуманитарное знание с естественно-научным. Речь идет об использовании эйнштейновской модели пространственно-временного континуума, в соответствии с которой история рассматривается не как нечто ставшее, прошедшее, а как осуществляющееся в социальном пространстве движение во времени, как переход от прошлого к будущему. Раскрывая суть социального как процесса и результата взаимодействия людей, историческая наука вынуждена использовать теоретический багаж всего обществознания [Там же, с. 78] и тем самым, оттесняя социологию, выдвигается на первый план в роли лидирующей дисциплины в корпусе социально-гуманитарного знания.

Насколько эти претензии обоснованы, сможет ли историческая наука или какая-то другая возглавить интеграцию обществознания – это вопросы частные. Так или иначе, интеграция обществознания – общее дело всех социально-гуманитарных наук. Только их совокупными усилиями может быть решена задача хронотопической трактовки социального бытия. Другими словами, это задача построения нелинейной (многомерной и объемной) картины социального мира, основу которой составляют схемы социального взаимодействия человеческих индивидов; схемы, в которых «логика вещей» вытесняется и замещается логикой совместного бытия индивидов [Там же, с. 80–81]. Но исполнение этой задачи вновь отодвигается в неопределенное будущее. Перманентный кризис, который охватил научное обществознание в последние десятилетия, проявляется в борьбе за лидерство (помимо историков на эту роль претендуют экономисты неинституционального направления и социальные психологи) и особенно в тенденции к фрагментации дисциплин. Факторы, ее вызывающие, находятся за пределами собственно науки, в первую очередь в сфере экономики индустриального общества с присущими ему формами простой кооперации и конкуренции, с борьбой за позиции и ресурсы.

Причины «беззащитности» обществознания от внешних влияний кроются в том, что социально-гуманитарные науки унаследовали от философии эпохи классики представление об индивиде (индивидуальном бытии человека), которое не поддается «расширению» в соответствии с новыми формами и условиями реализации человеком своей субъектности. Структура человеческой субъектности предполагает как выход индивида во внешнее (социальное) пространство, так и включение во временную последовательность, связывающую прошлое,

настоящее и будущее. В этом отношении субъектность человека становится точкой переключения режима детерминации, превращения внешней детерминации в самодетерминацию.

Переосмысление характера и структуры человеческой субъектности, индивидуального бытия человека – задача современной философии, ее вклад в становление научного общественнознания и обновление собственной традиции в свете нового опыта человеческого бытия. С точки зрения В.Е. Кемерова, это обновление должно проходить в створе, очерченном противостоянием двух методологических стратегий – редукционизма и антиредукционизма. Выше я уже отметил одно из направлений изменений в философии – разработку новой логики формирования понятий. Она предполагает выведение общего на основе признания онтологической и гносеологической самоценности различия. Другое, не менее важное, направление – разработка социальной онтологии, в рамках которой может быть выстроена картина реальности, сотканная из динамических процессов производства и обновления макроструктур, рождаемых взаимодействиями людей в ходе их совместной и индивидуальной деятельности. Социальная философия – это не новая версия исторического материализма, не особая философская дисциплина об обществе. Это философия, которая ищет свои основания и источники самообновления в обращении к повседневности, к коренным вопросам человеческого бытия.

Книга В.Е. Кемерова как будто обрывается на полуслове... Разворошив клубок непростых проблем, стоящих на пути науки и философии к новой парадигме, автор не дает прогноза – когда, при каких условиях и так далее. И, на мой взгляд, это достоинство книги, ибо своевременно, глубоко и точно поставленные вопросы гораздо ценнее ответов, для которых, как это следует из исследования В.Е. Кемерова, нет еще необходимых и достаточных предпосылок. Прочитанное оставляет надежду, что продолжение не заставит себя ждать.

Список литературы

Кемеров, 2022 – Кемеров В.Е. Социальная философия: смена парадигм. М.: Академический проект, 2022. 127 с.

Book review: V.E. Kemerov “Social philosophy: paradigms shift” (Moscow: Akademicheskij proekt, 2022. 127 pp.)

Vyacheslav V. Skorobogatskiy

Ural Institute of Management – Branch of RANEPА. 66 8 March Str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

The problem of paradigm shift has been on the agenda of social and humanitarian cognition for half a century. Among the factors that led to the appeal to this topic, two played a decisive role. The first one the emergence of Soviet social science from ideological isolation, gave an impetus to comparisons of the achieved results. The second one, the transfer of the problem of human to the center of theoretical and methodological analysis, gave rise

to the need for a radical reconstruction not only of the structure of social science, but also of its basic methodological principles. Originating in line with the theoretical and methodological principles of research of the “science” type, the social sciences and humanities of the classical period relied on the strategy of reductionism, which assumed the priority of the general (concepts) over the special (real phenomena, events, and people), identity over difference and diversity. The effect of this attitude persists to this day, causing not only a growing gap between science and reality, but also a decrease in the theoretical and methodological potential of social and humanitarian knowledge. The problem of changing the paradigm of social and humanitarian cognition is considered in the book by V.E. Kemerov “Social philosophy: paradigm shift”, in which he substantiates the need to develop a strategy of anti-reductionism and outlines the range of tasks facing modern social philosophy in this area.

Keywords: paradigm of social and humanitarian cognition, classical, non-classical and post-classical stages of science development, strategy of reductionism, globalization, re-ideologization of science and mass consciousness, dialogue of cultures, human subjectivity, methodology of anti-reductionism

References

Kemerov, V.E. *Social'naja filosofija: smena paradigm* [Social philosophy: paradigms shift]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2022. 127 pp. (In Russian)